

«МЕЧОМ И СМЕХОМ»

Андрей Белянин
Дарья Менделеева

ДЖЕЙН ЭЙР—
ОХОТНИЦА
НА ОБОРОТНЕЙ

Ростов-на-Дону

 ЭНИКС

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 6520
Б44

Художественное оформление Андрея Беянина,
Олега Бабкина и Тимофея Зайцева.

Беянин, Андрей.
Б44 Джейн Эйр — охотница на оборотней / Андрей Беянин, Дарья Менделеева. — Ростов н/Д : Феникс, 2026. — 356, [2] с. : ил. — (Мечом и смехом).

ISBN 978-5-222-44683-6

Роман Шарлотты Бронте читали многие, но мало кому известна маленькая деталь, о которой умолчала писательница... На самом деле викторианскую Англию XIX века разрывало жуткое нашествие оборотней! Эта зараза была страшнее любой чумы. Никто не знал, кем в любой момент мог обернуться друг, сосед или даже родственник. И девочка, волей злой тети попавшая в сиротский дом, тоже не могла знать, что именно здесь, в строжайшей тайне, воспитывают охотников на оборотней. Что ж, мисс Джейн, у вас есть три кинжала, два пистолета, стальные нервы и железная воля, вы лучшая охотница среди равных. Лондон задыхается от наплыва клькастых тварей! И вот уже сама королева отправляет вам тайное письмо, умоляя о помощи...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-44683-6

© Текст: Беянин А., Менделеева Д., 2025
© Дизайн обложки и форзацев:
Бабкин О., 2025
© Иллюстрации: Зайцев Т., 2025
© Авторские иллюстрации: Беянин А., 2025
© ООО «Феникс», оформление, 2025
© В оформлении книги использованы
иллюстрации по лицензии Shutterstock, 2025

Шарлотта Бронте
ДЖЕЙН ЭЙР

«Моя любезная супруга!

Ты, вероятно, огорчишься, когда прочтешь мое завещание. Но в глубине души я надеюсь, что ты поймешь меня, ведь ты — мать. Однако даже если ты не сможешь понять моего решения, тебе все же придется принять его. После того как сестра моя, да будет благословенна ее душа в садах Эдема, покинула этот грешный мир, ее дочь, моя племянница Джейн, осталась несчастной сиротой, которую ждало бы тяжкое выживание на улицах города. Но я, ее дядя, как истинный британец, не могу допустить этого. Поэтому и взял с тебя клятву, что ты будешь заботиться о ней так же, как о родных наших детях.

Но с тех пор как малютка Джейн появилась в нашем доме, я многое понял. Ты ни дня не была рада ей и ни разу не потрудилась даже изобразить для нее улыбку на своем гордом лице. Посему, моя драгоценная Сара, я счел нужным закрепить твою клятву литерой завещания.

Итак, ты обязана заботиться о Джейн Эйр, пока ей не исполнится двадцать лет, а после совершеннолетия обеспечить ее приданым, равным приданому наших дочерей, и найти ей достойную партию. В том случае, если ты откажешься от обязательств по заботе и устройению судьбы моей несчастной племянницы, ни ты, ни твои волчата не получите ни цента моего состояния, и вам придется доживать свою звериную жизнь в глухом лесу, где, возможно, вам самое место.

*Любящий тебя,
твой муж, мистер Рид».*

Часть I

ЛОНДОН

Глава 1

Луна вышла из-за облаков быстрее, чем я предполагала, поэтому мне пришлось ускориться. Каблуки стучали по каменной мостовой с такой силой, что я чувствовала, как каждый мой шаг болезненно отдается в голове. Позади же раздавались шаги зверя и его хриплое дыхание, слышное на всю улицу. Эта погоня продолжалась уже почти полчаса...

Уверена, если бы я обернулась, то обязательно увидела бы, что он вывалил язык. Впрочем, с той же вероятностью зверь мог и оскалиться, пуская с клыков хлопья пены. Но оглядываться не было времени. Хорошо еще, что все происходит не в сельской местности. В конце марта в любой британской деревеньке я бы непременно увязла в грязи и, позорно упав лицом в бурую жижу, так бы и встретила свою смерть. Кровавую и жуткую...

К счастью, сейчас я в Лондоне. Хотя это как посмотреть. Применительно к этой ситуации — конечно, к счастью. В целом же — надеюсь, закончив сегодня ночью, мне удастся как можно быстрее убраться из столицы. Здесь становится слишком опасно.

Приподняв фальш-юбку (увы, Лондон диктует свои нормы морали), я влезла на мост, обернулась, быстро метнула в зверя засапожный нож и сразу же спрыгнула вниз. О том, что мой клинок попал в цель, меня известил короткий вопль боли, переходящий в гневный рык.

Зверь прыгнул вслед за мной буквально в следующую минуту. Я спряталась за опорной колонной, прицелилась и всадила ему в бок серебряную пулю, пока он вертелся по сторонам, пытаясь найти мое укрытие. Все.

Зверь жалобно заскулил, совсем как милый щенок. В такие моменты у меня всегда трепетно сжимается сердце, но я должна оставаться сильной, если не хочу закончить жизнь с порванным горлом в какой-нибудь канаве. Зверь упал и замолчал, еще пару секунд его когти скребли мостовую, а потом наступила тишина...

Досчитав до одиннадцати, я вышла из-за колонны и подошла к нему. Передо мной лежал красивый, стройный, абсолютно обнаженный юноша. Его тело казалось голубым в свете луны. Надеюсь, тот, кто найдет его утром, прочтет молитву за эту грешную душу. Мне это никогда не было интересно, у меня другие задачи...

Я вытащила из плеча юноши свой нож, быстро ополоснула лезвие в воде, стараясь не намочить обувь, спрятала в ножны за голенищем сапога, еще раз поправила фальш-юбку и пошла вдоль берега в поисках ближайшей лестницы наверх.

В тот день не стоило и думать о прогулке. Утром нам еще довелось немного побродить по дорожкам уже совсем облетевшего сада, который тем не менее тщательно поддерживался в идеальном порядке. Мы случайно наткнулись на пару мертвых кошек с порванным горлом и одну дворнягу со вспоротым брюхом, не очень-то старательно припрятанных в полысевших кустах. Вид их был ужасен. Все кишки собаки оказались вывернуты наружу так, словно она не была некогда живым существом, а являлась всего лишь искусно пошитой куклой, набитой тряпьем. Запах крови и зловонных внутренностей достиг наших носов, и мы, не сговариваясь, отступили на два шага.

— Какой ужас! — ахнула наша няня Бесси. — Мисс, скорее отвернитесь и не смотрите! Уму непостижимо! Кто же мог осмелиться сотворить такое здесь, в саду, прямо перед окнами?!

Я прекрасно знала, кто это был. И она тоже. Это была хорошая мина при плохой игре.

После обеда зимний ветер, холодный и шумный, нагнал мрачные тучи. Через несколько минут начался такой пронизывающий дождь, что выйти на улицу еще раз казалось безумием.

Что ж, оно и к лучшему. Я не любила долгие прогулки зимой, тем более вечером. Было ужасно возвращаться домой в сумерках, продрогшей, с онемевшими пальцами. Кроме того, в наступающей темноте все мое существо начинало испытывать страх.

Казалось, за мной неустанно наблюдают чьи-то злые глаза. Стоит на миг забыть — и на меня набросятся со спины, а утром уже мое бездыханное тело найдут на тропинке с порванным горлом и вспоротым животом. А может быть, я окажусь висящей на собственных кишках на каком-нибудь крепком дереве. Или вообще бесследно исчезну в окровавленной пасти того, кто пожелает утолить свой животный голод.

В такие моменты мое сердце сжималось от тоски из-за вечной болтовни Бесси. И особенно из-за унижительного осознания того факта, что Джон, Элиза и Джорджиана Рид превосходят меня не только в физическом плане, но и вообще во всем.

Сейчас они собрались в гостиной подле своей маман: она вальяжно лежала на диване перед камином в окружении своего драгоценного

потомства (в данную минуту ее дети не ссорились, не кусались и не рычали) и, очевидно, была бы безмятежно счастлива, если бы не тяжкие обязательства, которые сковывали ее крепче цепей.

Именно поэтому я была освобождена от участия в их семейной идиллии. Мистрис Рид заявляла мне, что меня приходится ограждать от других детей, поскольку я дика, дерзка, злобна, расчетлива и черна сердцем. Но она терпелива и не перестает надеяться, что очень скоро это обстоятельство изменится и я научусь быть послушной, веселой и добросердечной.

Хотя истинная причина моего положения была мне хорошо известна, тем не менее мне приходилось играть в жестокую игру мистрис Рид. К тому же ввиду детского возраста я не переносила отвержения, на которое была обречена, и душа моя боролась с этим всеми своими силами, хоть разум и понимал, что любые усилия и старания всегда будут тщетны...

...На улицах никого не оказалось, и я осталась удовлетворена ночным одиночеством: если бы кто-то сейчас и встретился мне на пути, это был бы или грабитель, или убийца, или нечто намного худшее, чем люди со всеми их пороками. А так мне удалось тихо вернуться в знакомый квартал, где ранее без особых проблем я сняла жилье посуточно.

Комната моя находилась на втором этаже старого трехэтажного дома. Я постучала, подождала некоторое время, но дверь никто не открыл. Стучать снова не имело смысла: так можно наделать шуму и разозлить проснувшихся постояльцев, которые в отместку могут вылить из окна содержимое ночного горшка, а отстирывать одежду и мыть волосы в ледяной воде у меня не было ни сил, ни времени.

К тому же неизбежно возникли бы законные подозрения: что эта юная девушка делает одна на ночных улицах города? Правильного ответа на вопросы подобного толка просто не существует. Особенно если вы женщина. Даже крепкому мужчине теперь опасно прохаживаться по Лондону в одиночку в такой час, да еще и в полнолуние.

Оглядевшись по сторонам, я достала из волос шпильку. Замок сдался не более чем через минуту. Прискорбно: с такими запорами постояльцев могут грабить хоть каждую ночь. Утешив себя мыслью,

что все же любой замок лучше, чем его отсутствие, я аккуратно прикрыла дверь и, подобрав юбку, поднялась по лестнице настолько тихо, насколько позволяла обувь, каблуки которой были подбиты сталью.

Этим сапогам далеко не первый год. Когда-то я сама перешла их из «гессенов», которые волею случая попали ко мне в руки. Платой за это стали жестокие мозоли на ладонях, беспокоившие меня не одну неделю. Однако и награда была высока: эта обувь позволяла мне передвигаться быстрее и легче, чем любой другой женщине в современном мире.

В комнате было светло: круглая луна светила прямо в мое окно. Я задернула шторы, зажгла свечу на столе и опустилась на стул. Саквояж мой собран еще с вечера. Как только рассветет, я так же тихо спущусь вниз, оставлю на столе экономки монеты в уплату номера и покину Лондон.

...Но, видимо, мне стоит вернуться в самое начало, ибо иначе нервный читатель просто отбросит мои записи в сторону.

Итак, трагедия нашего общества ведет свое начало с тех дней, когда принц Фредерик спутался с фрейлиной своей матери, некой Анне Вейн.

Вряд ли вы слышали это имя. Память о ней практически стерта — по крайней мере, к забвению этой женщины были приложены немалые усилия. Ведь совершенно невероятно, что ближайшей фрейлиной королевы Каролины оказалась вервольфка. Увы, но это было так.

Как и следовало ожидать, после пары легкомысленных ночей принц был укушен. Анне Вейн вскоре казнили посредством усекования головы. Очевидцы писали, что, когда палач за волосы поднял отсеченную голову красавицы, чтобы продемонстрировать галдящей толпе, голова вдруг распахнула глаза и, искривив синеющие губы, издала протяжный волчий вой. Тело обезглавленной любовницы принца, как и голова ее, было сожжено на поспешно сложенном костре.

Монархи-родители не смогли простить принцу этого позора. Они ненавидели его, презирали, желая смерти собственному сыну,

точнее, существу, которым он стал. Когда королева-мать заболела, принца Фредерика не допускали в ее покои, так что он даже не смог проститься с собственной матерью — женщиной, выносившей его во чреве своем.

Правда, в предсмертной записке умирающая королева таки простила сына. Он женился и даже смог наладить отношения с отцом, повинившись во всем. Несколько лет отец и сын жили в согласии, презрев вражду. Однако волкодлакская сущность принца взяла верх, приведя к очередному кровопролитию, и отец снова проклял его, на этот раз — навсегда.

В сорок лет Фредерик умер от сердечного приступа, но в узких кругах до сих пор говорят, что это король Георг II приказал умертвить своего сына, чтобы не передавать управление страной безумевшему оборотню. Однако все оказалось не так просто.

Сразу после кончины короля Георга II трон занял его внук, сын принца Фредерика, король Георг III. И многие годы страшная болезнь никак не проявляла себя.

Новый король Великобритании успешно скрывал свою хворь даже от жены более двадцати лет. А когда, внезапно оскалив клыки, он накинулся на нее, голый и всклокоченный, казалось полностью утративший человеческий облик, у них уже было пятнадцать детей. Детей, в чьих жилах текла звериная кровь. Болезнь никого не щадила и не отличалась избирательностью.

Впрочем, безумный король собственноручно поубивал добрую половину своих наследников. Безутешная королева изолировала его, поместив в Виндзорский замок и оставшись там с ним, согласно клятве верности, которую дала перед алтарем.

Тем не менее слишком многие успели увидеть безумного короля голышом бегающим по дворцу, слишком многие замечали звериные черты в лицах наследников трона и юных принцесс. Слишком свежа была память о безумном отце короля и печальной казни Анне Вейн.

Чтобы заткнуть все рты разом, Палатой Лордов был издан директ, по которому каждому дворянскому роду предписывалось хотя бы единожды смешать свою кровь с кровью оборотня. Первое время дворяне сопротивлялись, но вынуждены были идти на эти ужасные

шаги, чтобы не оказаться отлученными от двора или обвиненными в государственной измене.

Даже пасторы стали проповедовать браки с вервольфами, славя такие союзы как угодные Богу. Наш мир менялся, и не в лучшую сторону, но никто не видел выхода...

Я прошимыгнула в маленькую столовую, куда обычно подавали завтрак. В числе прочей мебели находился там и книжный шкаф, наполненный не только книгами, но и разнообразными изделиями для детских игр и досуга в кругу семьи. Я выбрала небольшой томик в красивом переплете из красного бархата, предварительно удостоверившись, что в книге много картинок. Затем, забравшись на подоконник, по-турецки поджала ноги, усаживаясь как можно удобнее, и задернула тяжелые штофные занавески, таким образом отгородившись от недружелюбного ко мне мира.

Книгой, которую я выбрала, оказалась «Жизнь оборотней и вурдалаков» Абрахама Ван Хельсинга. В общем-то, сам текст меня мало интересовал, но к некоторым страницам я не могла остаться равнодушной: там говорилось об убежище оборотней, о заброшенных кладбищах, населенных вампирами; о Венгрии, загадочной Трансильвании, которой правил кровавый Влад Цепеш; о Жеводанском звере, держащем в страхе юг Франции, что на границе регионов Овернь и Лангедок.

Не могла я пропустить описания славянских волкодлаков, которые способны обратиться не только в зверя, но и в камень, корягу, придорожную траву и пыль. Увлеченно читала рассказы о скандинавских оборотнях-медведях. Это было и страшно, и чарующе-волнительно...

Непонятный священный трепет пробуждало во мне изображение старого заброшенного кладбища: покосившийся могильный камень с полустертой надписью, черные ворота, два дерева, очерченный диск полной луны и сгорбившийся силуэт зверя у разоренной могилы, в когтях которого безвольно висело человеческое тело, некогда бывшее живым...

Я затрудняюсь сказать, как в доме оказалась такая книга. Ее не должно было там быть, однако же я держала ее в руках. Скорее всего, мистрис Рид настолько не интересовалась литературой, что воспринимала книги лишь как некую деталь интерьера, и решающее значение играл красивый корешок с золотыми полосами и готической монограммой “AVH”, который эффектно смотрелся в книжном шкафу.

Каждая иллюстрация таила в себе целую повесть, весьма трудную для моего детского ума и смутного, интуитивного восприятия, но вызывающую интерес такой же, как сказки, которые Бесси рассказывала нам по вечерам, когда была в хорошем настроении. В детской, придвинув к камину гладильный столик, Бесси разрешала нам сесть вокруг, и, пока она отглаживала блонды на пышных юбках хозяйки, мы слушали старые и новые сказки о любви, о рыцарях и драконах, о прекрасных принцессах, о морских походах и дивных приключениях.

Итак, с книгой на коленях я была по-своему счастлива. Я боялась только, что мне могут помешать, и это, конечно же, очень скоро произошло.

Дверь в столовую открылась с грохотом, поскольку в нее со всей силы ударили ногой.

— Эй, нюня! — громко крикнул Джон Рид и замолчал, ведь столовая казалась пустой. — Куда, к чертям собачьим, она могла запропаститься? Лиззи! Джорджи! — капризно позвал он сестер. — Этой пивявки здесь нет! Скажите мамочке, что она слиняла под дождик. Этакая дрянь!

«Хорошо, что я закрыла занавески», — подумала я, молясь Господу, чтобы Джон Рид меня не нашел. У меня были все шансы остаться незамеченной, ведь он слеп и тупоголов... Но вот Элиза... Едва просунув голову в дверь, она сразу же все поняла.

— Она на подоконнике, Джон!

Я сразу же сама вышла из своего убежища. Больше всего я боялась, что Джон Рид вытащит меня оттуда силой.

— Что ты хочешь? — спросила я, пытаюсь изобразить хоть какое-то смирение, но душа моя бунтовала против того, что сейчас должно было произойти.

— Ты должна говорить: «Что вам угодно, почтенный мистер Рид?» — сказал он, и я послушно, словно заведенный механизм, повторила:

— Что вам угодно, почтенный мистер Рид?

— Я желаю, чтобы ты подошла сюда, на расправу, — усмехнувшись, ответил он, сев в кресло.

Моему мучителю было четырнадцать лет, а мне — лишь десять. Я выглядела совершенным ребенком рядом с ним. Рослый, толстый, широколицый увалень, Джон Рид казался намного старше своих лет. Несдержанность и неумеренность в еде сделали его рыхлым и желчным, придав лицу с вислыми щеками звериное выражение, которое лишь усиливалось от его свирепого взгляда.

Сейчас Джон должен был находиться на уроках, далеко отсюда. Однако дети в той школе стали слишком часто умирать, разрываемые неведомым зверем на части в коридорах, в своих кроватях и во время прогулок. Мистрис Рид, как и подобает любящей матери, забрала Джона домой на два-три месяца, пока не уляжется шум, чтобы поправить хрупкое здоровье дорогого отпрыска.

Мой кузен не питал нежных чувств ни к матери, ни к сестрам. Ко мне же он пылал жгучей, ничем не объяснимой ненавистью, запугивая и тираня меня ежедневно, при всяком удобном случае. Я боялась Джона Рида всеми фибрами души своей и, едва только видела его, дрожала как высохший осенний лист. Иногда случалось, что я падала в обморок от страха, но и это не спасало меня: жестокий юнец дожидался, когда я приду в себя, обливал меня водой и хлестал по щекам. И стоило мне открыть глаза, как он начинал измываться надо мной, и не было мне ни спасенья, ни заступничества в этом доме.

Так же и в тот день, привыкнув к повиновению, я подошла к креслу, в котором сидел мой палач. Минуты с три мистер Джон развлекал себя тем, что высовывал свой длинный мясистый язык из широкой пасти и корчил ужаснейшие животные гримасы. Я стояла и молча смотрела перед собой, в глубине души испытывая непреодолимое отвращение к этому человеку и всему, что есть в нем.

Вдруг, не сказав ни слова, Джон дернулся вперед и больно ударил меня. Я покачнулась, но удержалась на ногах и не отступила ни на шаг.

— Это тебе мой подарок за то, что ты пряталась на подоконнике, как крыса, и за то, с каким презрением посмотрела на меня сейчас! — прикрикнул он, и в следующий момент я получила новый удар.

Все естество мое кипело от боли и обиды, от необходимости повиноваться этому злобному мальчику, от унижительного своего положения и от ожидания новых побоев, которые, я знала, неизбежны.

Джон Рид сказал, что я не имею права брать книги в этом доме, поскольку живу здесь из милости, как нищенка и приживалка, а затем приказал отойти подальше, что я и сделала со всей покорностью. Тогда он взял ту самую книгу и запустил ею в меня. Вскрикнув, я отскочила в сторону, однако не так быстро, как следовало, и угол книги зацепил меня, и я упала, ударившись о косяк, и расшибла голову.

Когда я встала на ноги, должно быть, сознание мое помутилось. Я забыла о повиновении и бросилась на своего обидчика с кулаками, чувствуя боль от раны и липкую кровь, стекающую по моей шее.

— Жестокий и безжалостный злодей! — кричала я и била его по груди и плечам. — Ты надсмотрщик над рабами, убийца, живодер, Нерон, Калигула!

Джон Рид пытался вывернуть мои руки, но ярость моя была настолько велика, что мне удавалось уворачиваться. Ногтями я распорол его щеку, и кузен взвыл.

В тот самый миг время словно текло без моего участия. Со стороны я наблюдала, как вбежали в комнату слуги. Как вслед за ними вошла мистрис Рид и как ее искривившиеся от негодования губы произнесли:

— Запереть мерзавку в красной комнате!

Это было худшее наказание, страшнее смерти...

Меня разбудил стук в дверь. Солнце еще не взошло.

— Кто? — спросила я, вставая босыми ногами на ледяной пол. Прикроватный коврик, связанный из старого тряпья, был настолько тонок, что, кажется, совершенно не защищал стопы от холода.

— Открывайте, мисс! — раздалось из-за двери. — И если вы ждете гостей ночью, извольте предупредить об этом с вечера!

Скорее всего, голос принадлежал экономке. Однако никаких гостей я не ждала.

— Мне нужно время, чтобы одеться, — ответила я.

— А мне нужно время, что выспаться перед тяжелым днем! И если вы не отопрете дверь, я открою ее своим ключом!

Мне пришлось спешно замотаться в одеяло по шею и, сойдя с коврика, шагнуть к двери, чтобы открыть ее. По дороге я успела ухватить лишь засапожный нож и спрятать его в складки своей постельной «мантии».

На пороге стояла немолодая женщина — та самая, у которой я сняла комнату. Она подняла свечу, с подозрением посмотрела на меня и сказала:

— Обслуживать мужчин здесь не принято, поэтому вы должны мне двойную плату! У нас не бордель, как вы могли подумать!

Тень за ее спиной шевельнулась, и я увидела, как руки в черных перчатках отсчитывают монеты, опуская их в ладонь сварливой женщины. Удовлетворившись суммой, экономка бросила на меня презрительный взгляд и ушла.

Тень шагнула в комнату.

Глава 2

Мой поздний гость расстегнул две верхние пуговицы пальто и снял цилиндр. Я отпрянула к занавешенному окну, еще плотнее запахиваясь в одеяло.

— Сэр, я не одета!

— Я пришел в это убогое заведение в такой поздний час не для того, чтобы любоваться скромными прелестями вашей плоти, мисс Эйр, — сказал он, огляделся и без тени смущения сел прямо на мою смятую постель. Я так и осталась стоять, снедаемая стыдом, возмущением и робостью, словно тело мое обратилось в мрамор.

Гость нагнулся к столу и зажег свечу.

— Утром вы намеревались покинуть Лондон, не так ли? — спросил он и сощурился, глядя на меня.

— Так, сэр.

Я готова была поклясться на Писании, что вижу сон. Однако знала наверняка, что эта встреча происходит наяву. Я чувствовала запах серы от прогоревшей спички, запах дорогой шерсти, исходивший от пальто джентльмена, пришедшего ко мне. Нож, закутанный в одеяло, колот мое бедро. И да, разумеется, этот человек был мне знаком.

Пусть я не видела мистера Брокколихата несколько лет, однако он совсем не изменился — все так же тощ, кудряв, высок и мрачен, как раньше. И, как я успела убедиться, все так же груб. Я почувствовала, как задрожали мои колени.

— По какой причине вы застыли столбом, мисс Эйр? Заверяю вас, что тоже не обрадован нашей встречей, но мои, а тем более ваши интересы ничто перед интересами всей Англии! Извольте одеться, покуда я полюбуюсь видом из окна. Полагаю, вам хватит десяти минут? У нас мало времени.

Он встал, отодвинул меня в сторону и, распахнув занавески, выглянул в окно, опершись ладонями на низкий подоконник.

В следующую секунду я принялась одеваться. Юбки шелестели, словно крылья птиц, бьющихся в силках. Упавшее на пол одеяло походило на снежный сугроб. Разумеется, одеться за десять минут было совершенно невозможно, но я закончила ровно за мгновение до того, как пунктуальный мистер Брокколихат отвернулся от окна.

Он бросил молчаливый взгляд на ночной горшок, стоявший под кроватью (я возблагодарила Бога, что этой ночью он оказался пуст), пересек мою тесную комнату и вышел вон. Подхватив саквояж, я выбежала за ним. Внизу нас ждал черный экипаж.

— Могу я спросить, куда мы едем, сэр? — сказала я, когда возница повернул за угол.

— В несомненно более достойное место. Где вы будете жить, пока служите Короне.

— Служу Короне? — переспросила я.

— Я сыт вашими вопросами, мисс Эйр. Любопытство — определенно самый отвратительный женский порок.

Он стукнул по полу экипажа тростью, и я замолчала.

До рассвета, вероятно, оставалось чуть менее часа. Значит, мне удалось поспать от силы лишь два часа в эту ночь. Я взглянула на своего бесстрастного спутника и, как мне показалось, лишь на мгновение закрыла глаза. Там, за веками, была густая темнота...

Такая же плотная и живая, как волны Темзы, в которых не отражаются звезды. Говорят, Великое Зловоние оживило трупы тех чудовищ, что в незапамятные времена были сброшены в воду. Напитавшись нечистотами и гнилью, чудовища превратились в левиафанов и ждут теперь свою пищу, притаившись на дне реки.

Так ли это? Не знаю. Правда в том, что никто никогда не видел их. По крайней мере, никто из тех, кто мог бы впоследствии рассказать об этом.

«Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его? вденешь ли кольцо в ноздри его? проколешь ли иглою челюсть его?»¹ — услышала я в темноте сна, и из глаз моих потекли

¹ Книга Иова (Иов. 40:20 — 41:26) — Здесь и далее — прим. авт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ЛОНДОН	4
Глава 1.....	4
Глава 2.....	15
Глава 3.....	29
Глава 4.....	43
Глава 5.....	74
Глава 6.....	85
Глава 7.....	108
Глава 8.....	130
Глава 9.....	142
Часть II. ТОРНФИЛД	174
Глава 1.....	174
Глава 2.....	187
Глава 3.....	246
Глава 4.....	266
Часть III. МОРТОН	283
Глава 1.....	283
Глава 2.....	294
Глава 3.....	316
Глава 4.....	340
Эпилог.....	353

**АНДРЕЙ БЕЛЯНИН,
ДАРЬЯ МЕНДЕЛЕЕВА**

**ДЖЕЙН ЭЙР — ОХОТНИЦА НА
ОБОРОТНЕЙ**

Ответственный редактор *А. Васько*
Арт-директор *Н. Джинчарадзе*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

- RU** **Джейн Эйр — охотница на оборотней.**
Формат: 60x90/16. Тираж 6 000 экз. Заказ №
Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150.
Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Изготовлено в России. Дата изготовления: 12.2025. Срок годности не ограничен.
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография» филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». Юридический адрес: 124498, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Старое Крюково, г. Зеленоград, пр-кт Георгиевский, д. 5, помещ. 8/1Т.
Фактический адрес: 432980, Россия, Ульяновская обл., г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.
- KZ** **Джейн Эйр — қасқыр-адам аулаушы.**
Форматы: 60x90/16. Таралымы 6 000. Тапсырыс №
Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты мекенжайы: 344011, Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ., Варфоломеев к-сі, 150 үй.
Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 12.2025. Жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Басылды «Первая Образцовая типография» АҚ, «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ» филиалы.
Заңды мекенжайы: 124498, Ресей, Мәскеу Қ., Старое Крюково ішкі қалалық муниципалды округы, Зеленоград қ., Георгиевский даңғылы, 5 үй, 8/1Т үй-жай.
Нақты мекенжайы: 610033, Ресей, Ульяновск облысы, Ульяновск қ., Гончаров к-сі, 14.
- BY** **Джэйн Эйр - паляўнічая на пярэваратняў.**
Фармат: 60x90/16. Тыраж 6 000. Заказ №
Выдавец і вытворца: ТАА «Фенікс». Юр. і факт. адрас: 344011, Расія, Растоўская вобл., г. Растоў-на-Доне, вул. Варфаламеева, д. 150. Тэл./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Выраблена ў Расіі. Дата вырабу: 12.2025. Тэрмін прыдатнасці не абмежаваны.
Надрукавана ў АТ «Первая Образцовая типография» філіял «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ». Юрыдычны адрас: 124498, Расія, г. Масква, вн. цёр. г. муниціпальная акруга Старое Крюкава, г. Зеленаград, пр-кт Георгіеўскі, д. 5, памяш. 8/1т.
Фактычны адрас: 432980, Расія, Ульянаўская вобл., г. Ульянаўск, вул. Ганчарова, 14.